УДК 811.161.1

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗВОДЫ КНИЖНОГО ЯЗЫКА
И ВТОРОЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ
(об орфографии Захариинского паримейника 1271 г.)**

А.И. Кузовенкова

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению некоторых языковых особенностей одного из неизученных рукописных памятников – Захариинского паримейника 1271 г. С одной стороны, в рукописи отражены псковско-новгородские диалектные черты, такие как смешение аффрикат *ц* и *ч*, свистящих и шипящих, особый тип рефлексации групп *ТъгТ*, написания с *жг* наряду с *жд* и др. С другой стороны, в большом количестве представлены южнославянские по происхождению написания. Всё это позволяет сделать вывод о возникновении архаизирующих правописных навыков в Захариинском паримейнике, а также уточнить данные о количестве и территориальной принадлежности переписчиков, работавших над текстом.

Ключевые слова: богослужебные памятники, паримейный текст, историческая грамматика.

По подсчётам исследователей, славянский паримейник сохранился более чем в семидесяти списках XIII – XVIII вв. Каждая из рукописей принадлежит определённой группе (в частности, Троицкий паримейник – Семёновской группе, Паримейник 1271 г. (Захариинский) – Захарьинской группе). Каждая группа имеет индивидуальные варианты, но есть и общие черты. Индивидуальные варианты Семёновской группы возникли в результате редактирования (прежде всего исправления по греческому тексту). Что касается Захарьинской группы, то среди её индивидуальных вариантов нет ни одного, который бы указывал на редакторскую правку.

Хронология возникновения различных групп представляется следующим образом: сначала в ходе редактуры в текст древнейшего типа были внесены исправления по оригиналу и отдельные лексические замены; в результате возник общий источник Козминской и Семёновской групп. В процессе переписывания в него проникли изменения стихийного характера, что привело к появлению протографа Козминской группы. С другой стороны, этот текст подвергся дальнейшей, более последовательной редактуре, отразившейся в списках Семёновской группы. В результате влияния этого отредактированного текста на древнейший тип паримейника возник смешанный текст, представленный в списках Захарьинской группы [1, с. 147–157].

Объектом рассмотрения в данной работе является рукопись РНБ, Q, п. I, 13 – Паримейник (Захариинский) 1271 г. Цель статьи – определение языкового своеобразия данного памятника.

Паримейник 1271 г. (далее – Прм 1271) исследователи относят к числу памятников новгородского происхождения [2, с. 66]. Известно, что рукопись была переписана четырьмя лицами: первый писец, Захария, переписал л. 1 об. – 73; второй писец, сын Захарии Олуферий, написал текст с л. 74а по л. 195г и с л. 227а по л. 255б; третий писец, неизвестный по имени, написал л. 196 а – 226 г; четвёртый – л. 256–264 об. Вывод о дате и локализации данного памятника сделан на основании записей в самой рукописи на л. 58, 73 г и 233 об. писца Захарии, на л. 73г – с датой *1271 г. (ϣϣϣοϩ)*. Указывается, что писец – поп церкви св. Дмитрия, писал книгу вместе с сыном для матигорцев за Волок. На л. 91б находится запись Олуферия, здесь же полууставом XVI в. повторение записей писцов без указания их имён, но с уточнением, что церковь св. Дмитрия – в Новгороде, а книга писалась для церкви Бориса и Глеба на Матигоре за Волок. Рукопись написана на листах пергамена уставом в два столбца (на л. 256–264 в один столбец), не имеет завершения, объём памятника 264 листа [3, с. 295–296; 4, с. 205–206].

По словам Н.М. Каринского, Прм 1271 «представляет материал, содержащий ценные указания на русские диалектные особенности, а также обнаруживает далеко не обычную в русских памятниках графику, отражающую письмо древних болгарских рукописей. Графика Паримейника и отразившиеся в нём особенности языка древнецерковнославянского или среднеболгарского оригинала, который лежит в основе его текста, представляют значительный интерес» [5, с. 234].

Лингвистической особенностью Прм 1271 является наличие в нём нестяжённых форм имён прилагательных, причастий, а также форм имперфекта. Подобные образования свидетельствуют не только о древности списка, их сохранение было связано в том числе с тем, что паримейник пели по нотам [5, с. 235]. Приведём примеры из рукописи:

а) прилагательные у первого писца: на искрѣна|аго сѣокго (л. 25в), не по днѣмѣ парѣхнмѣ (л. 25в), ѿ ксѣхѣ плѣкменѣ ѡзѣчѣдскѣн|хѣ (л. 27а), гѣа гѣрдѣнмѣ прѣтѣкитѣсѣ (л. 48г); формы имперфекта: дѣкѣма пок|рѣкѣаахоу ногѣ сѣоѣ . а дѣкѣма летѣаахоу . и вѣ|пнѣаахоу и глѣа|ахоу (л. 61а);

б) прилагательные и причастия у второго писца: ни рѣкѣноуи зѣ|ахнмѣ моу|жемѣ (л. 158г), и ѡбрати ма на поуѣе кра|тѣ стѣнхѣ вѣ|нешнихѣ зѣ|раши^нхѣ ко вѣ|стокомѣ (л. 231г), и вѣведе ма поуѣамѣ по поуѣи кратѣ соущнхѣ кѣ сѣквероу прѣкмо храмоу (л. 232а), не потоуи истоуникѣ вѣдннхѣ (л. 236г), вѣ|скрасениемѣ ѿсѣ хѣа из мрѣтѣвн|хѣ (л. 242в), вѣ клѣоутѣврѣа|ющнхѣсѣа силѣоу бнѣю (л. 242г), зѣа|та гѣкѣлющѣ|аго (л. 243а), ѡгрѣкѣтѣсѣ ѿ плѣтѣскѣн|хѣ похотннхѣ (л. 244а), не тѣкмо блѣгннмѣ (л. 244г) и т. д.; глагольные формы: прѣаммо лицоу сѣоѣмѣ идѣа|ашѣ (л. 171а), ѿ|гнѣа исхожа|ашѣ (л. 172а), идѣаахоу и не ѡбращѣаахоусѣа (л. 172б), кѣми же ѡсѣмѣрѣахѣ (л. 174а), сохѣ|жаахоу и вѣсх^н|жаахоу по неи (л. 231а), коу|пнѣа же не со|горѣашѣ (л. 235г), вѣпѣа и|хѣ сѣжнѣаахѣ (л. 236б), вѣнѣ|гѣа же

ГОТОВА|АШЕСА НѢО . СЪ НИМА БЛХЪ . И КГДА РАЗЛОУ|УААШЕ СКОИ ПРЕ|СТОЛА НА КЪТРО|РЪХЪ . КЪНАГДА ЖЕ КРЪПКИ ТКО|РААШЕ КЪШНА|НА ШЕЛАКЪ НА|КО ТЪРДЪ ПО|ЛААГААШЕ ИСТО|УНИКЪ ПОДЪ|НКСАНЪИ (л. 237 а), КРЪ|ПКАНА ТКОРА|ШЕ ШНОКАНИ|НА ЗЕМЛИ (л. 237б) и др.;

в) имена прилагательные у четвертого писца: НЕ Ш ПРО|ТИКНИ|ХЪ ИЗ Ш СКО|ГО КРА|ТА (л. 262б), СЪ ПРАВДДНИ|МИ ПРИЧЕСА СЪ ПРРЪКЪ И АПЪЛЪ (л. 262в).

Тексты северного происхождения отличаются присутствием множества диалектных образований. Одной из ярких особенностей северо-западного происхождения в Прм 1271 является смешение аффрикат. По замечанию лингвистов, три почерка отражают три разных типа написаний: первый писец, самый грамотный, даёт незначительное число отклонений от традиционных написаний, ему свойственно безразличное смешение аффрикат, но с явным пристрастием к «чоканью»; второй писец употребляет только ц вместо ч, выражая свойственное новгородскому говору «мягкое» цоканье; в третьем почерке, в тексте, дописанном позже и уже не на севере, отражается ещё один тип смешения аффрикат – ц вместо ч перед гласными верхнего подъёма и перед мягкими согласными, ч вместо ц перед гласными среднего и нижнего подъёма. Третий тип смешения распространён в основном в рукописях XIV в., он же фиксируется в современных говорах на севере [6, с. 314]. Между тем данные самого текста показывают, что принцип, который формулирует В.В. Колесов, не всегда выдержан, да и типов смешения согласных, видимо, не три, а четыре (этот вопрос требует более глубокого анализа).

Приведём примеры из Прм 1271:

а) первый переписчик: С|НУЕ ГЛЕТЪ ГЪА (л. 14г, 15в, 25а), ИЗ|ИДЪТА ЖЕ|НИХЪ ИЗ ЛОЖНИ|УА СКО|НА (л. 22а), ДА НЕ РЕКОУ|ТА ЯЗЫ|ЧИ (л. 22б);

б) второй писец: ЛИСТА МАСЛИ|ЦАНЪ (л. 89в), ИНОПЛЕ|МЕННИ|УИ КСИ (л. 93а), СЪ|КОНЦАЮ|ТСА СРАМНО (л. 122а), ЛОУЦИ МОУЖА ТДРПЪ|ЛИКЪ КРЪ|ПКАГО. ОУДРА|ЖАН ГИ|КЪА ЛОУ|УНИ КСТА ПРЪ|ИМОУШААГО ГРАДЪ ТЪ|КРДЪ (л. 131г), УЕЛОКАТИ НЕУА|СТИКЪИ|ХЪ (л. 138а), КЪЗКЕДОХЪ УЦИ МОИ (л. 153г), КЪЗКЕДОХЪ УЦИ МОИ КЪ ГОРЪИ (л. 157а), КИДЪ О|ТРОЦА ПЛА|УОУШЕСА (л. 178г, 179б), ЛИУА ЖЕ МОЕГО НЕ Ш|КРАТИХЪ Ш СТОУДА (л. 193в), ИЖЕ АШЕ РОДИ|ТА УТРОЦА МОУ|ЖАСКА ПОЛОУ (л. 233г), ДКА ПТЕНЦА ГОЛОУ|КИНА . ЛИ ДКА ГОРЛИ|ЦИЩА (л. 234б), ПРИ|ТЦАМЪ ЗНАМЕ|НИИ И ЧЮДЕСА (л. 250г);

в) ц вместо ч у третьего писца: ОПОЛЦИ|ШАСА КЪ СЛЪДЪ ИХЪ (л. 197г), ДША О|ТРОЦИЩА (л. 203б), ТЪСОУШАНИ|КЪИ И СЪТНИ|КЪИ И КНИГО|ЦИ И П-НИКЪИ (л. 221г, 223а), ПОУИ НА НИХЪ ДХЪ И ПРРЦА|СТКО|КАХОУ КЪ СТА|НОУ (л. 223б), БОДОЮ ЦИ|СТОЮ (л. 225б), НЕ БЪИСТА КЪ КАСЪ ЦЮЖА|ГО (л. 226б);

г) ч вместо ц у третьего писца: СЪИ|ША Ш ПШЕНИ|УА (л. 196а), ШРОУЖИ|КЕ НАГО КЪ РОУ|УКЕ КГО (л. 196а), И О КОЛЪСНИ|УАХЪ КГО (л. 198в), СЪКЪДЕТЕЛЮ КЪ|ДОКНИ (л. 203а), ИЩЕТА ДО|МАУАДА|УА (л. 220в), МЕЖЮ МЪ|ЖЕМА И КРАТО|МА КГО . И МЕЖЮ ПРИШЕЛЪУАМ НЕ ПОЗНАКШИ ЛИУА НА СОУДЪ|К МАЛОМОУ . И КЕЛИКОМОУ СОУ|ДИ . И НЕ ОБИНИ|СА ЛИУА УА|ЦА|СКА (л. 222а), ТОКМО ОУА| БША ИЗКОЛИ ЛЮБИТИ (л. 222а),

ткора|и соу́дъ прише|лъюу сиротѣ и кодокици (л. 222в), снн|дѣ гѣа къ обла|уѣ (л. 223б);

д) четвертый писец: лота дроно|кица шюрина скоюго (л. 257г), о|тциноу скою роуца|скоюу (л. 258б), до конацинѣ кѣка (л. 258б), за роуки са юмлюще сѣца|хоу и по оудолнелма крѣва тѣуаше (л. 260а), великѣи князѣ цадолюбнѣи (л. 261а), къ неи же болѣзни и сконцасѣ (л. 261б, 262в, 263г), вѣста юмоу вѣо о уѣи (л. 261г), бѣ ко любимѣ оуе|ма пауе всѣхѣ (л. 261г), на образѣ кдцна (л. 26а).

К графическим особенностям Прм 1271 относится мена ѡ и о, ѡ и е (ѣ): про|стади роукоу скою на мѣре (л. 198в), межу полкомѣ юго|пата|скѣме и межу пол|комѣ снѣвѣ излѣвмо (л. 199а), спа на мѣстѣ томѣ (л. 230г), теѣѣ дамѣ ю и сѣмени ткю|емоу (л. 231а), локти же скои оутѣ|ѣржа|етѣ на крѣ|тено (л. 166б), преже оутѣ|ѣрженна (л. 236г), къѣ|ѣргоша на къ пещѣ о|гноу (л. 214а), ѡкѣ|рзѣ оуста (л. 214б), имени юго и кѣ лотѣ акрамюу снѣ|ѣца и шюринѣ (л. 257г), гла снѣ|ѣ (л. 262а) и др. Материал рассматриваемого письменного источника свидетельствует о том, что смешение вышеперечисленных гласных характерно не только для так называемой бытовой графической системы, но и для книжной письменности [7, с. 23–25].

В Прм 1271 представлены как южнославянский тип написания с редуцированным после плавного, так и восточнославянский с сохранением или вокализацией глухого. У первого переписчика наблюдаются традиционные древнерусские написания с редуцированным перед сонорным: да коуде|та тѣдрѣ (л. 2а, 33в), гѣа ксе|ддржителя (л. 25а–в, 27а), сѣмд|ртию у|мрета (л. 42а), юко ѡнмѣ|та гѣа сквдрюу (л. 49б), не ѡкдрзи наказанна (л. 65б).

У второго переписчика преобладают восточнославянские написания с глухим: ювниша|са кдрси горѣ (л. 89а), простд|рѣ роукоу скою ютѣ и (л. 89а), сѣ истинюу и срдца|ма сѣкдрше|нѣма (л. 115а), роуцѣ скои ѡкдрзакѣта оубо|гомю (л. 166б), х|рамѣ тѣдрѣѣ (л. 174а), мд|рзѣхоу юго|птаномѣ (л. 174а), тѣдрѣѣ камелна (л. 193в), се лѣстѣница оутѣ|ѣржена на земли (л. 230г), и ксакго пд|рѣ|ѣнѣ снѣ|ѣк моихѣ изба|кю (л. 233г), пре|дѣ дѣдрми ски|нина сѣкѣ|дѣ|нина къ жѣрцю (л. 234б), стѣ|оратѣ жѣрткоу и дарѣи (л. 235б), юко тѣдрѣѣ пола|агаше исто|уники подѣ|нѣсанѣи (л. 236г), не сквд|рнано и неоуба|данмо (л. 242г), къ калсѣ оутѣ|ѣржа|ющи|сѣ (л. 242г), проси дши скои сѣмд|рти (л. 247а), ѡкдрзоу оустанѣ прако (л. 250б), мд|рзѣкѣ же пре|дѣ мною оустанѣ лѣжнѣи (л. 250б), юко бесѣмд|рти кѣта (л. 250г), ѡкрѣ|танѣсѣ пд|рѣ|ѣнѣи та (л. 252а), пре|же оутѣ|ѣрдити|сѣ горамѣ (л. 254б), тѣдрѣѣи полагаше камелна (л. 254г).

Реже у него обнаруживаются примеры с вокализацией глухого: ѡкци мерка|юше (л. 145г), де|ржа|шасѣ дрѣ|гѣ къ дроу|гѣ (л. 171б), оуби гѣа ксакѣ перѣ|ѣнѣца скота . сего ра|ди лѣзѣ жѣроу гѣ|ѣи (л. 233г), н|сперѣ сотона сѣгрѣ|шакѣта (л. 238б–в), на кер|хоу горѣи (л. 246а), зми|ни дрѣвни (л. 248г). Присутствуют и южнославянские написания: кольсѣ при|дрѣ|ж|шасѣ ихѣ (л. 172а), до крѣ|хоу (л. 174г), ѡ морѣ ур|д|мно|го (л. 232в), прѣ|ѣнѣ|ца роданѣ на зѣ|дрѣ|зѣ

и ло|жесна (л. 233а), ксакъ разкрдзана ло|жесна моужьска полоу (л. 233г), г^ѣ б^ѣ кседрд|жителъ (л. 233г, 247в), прѣндохомъ ѿ смрѣти въ жизнь (л. 238г, 249б), люкѣи нго сѣ|красена кста (л. 241а), боудутъ г^ѣоу приносѣще жрѣткѣоу (л. 242а), вѣ|скрасеникъма іс^ѣ х^ѣа из мрдткѣи|нхъ (л. 242в), кто трдпи|тъ скорки (л. 244г). Так называемое двуеровое написание встречается в конце строки: ддрд|зновениіе ко имамъ къ боу (л. 239в).

У третьего переписчика также отмечены древнерусские написания: ддрзди|те (л. 198б), ста предъ двд|рхъ (л. 206в), не оуддржи мѣ|не (л. 207б), къкдржени кѣ|детъ (л. 212в), море пдркоіе (л. 220а), окрѣ|те жестосдрд|іе каше (л. 222б). Но встречаются и южнославянские написания: дшѣ ки прискрѣ|кна кста (л. 207г).

Следует иметь в виду, что южнославянские орфограммы с ерами после плавного могли поддерживаться развитием в новгородско-псковском диалекте особого рефлекса групп типа ТьГТ: ТьГТ > ТьГ^ѣТ > ТгоТ [7, с. 50–51]. Факты, представляющие особый тип рефлексации групп ТьГТ с утратой органического гласного и развитием вставного гласного, широко представлены также в галицко-волинском Погодинском списке Паренесиса Ефрема Сирина 1289 г. Подобное развитие охватывало всю западную окраину Древней Руси [8, с. 131–132].

У четвертого переписчика преобладают традиционные написания: прквдднѣи бо и по смдрти жикъ кста (л. 258б), къ смдртъ немилостивно къгна (л. 260б), оуломкомъ ждрнока (л. 260г), обдртѣкъше къ шд|таръ (л. 262б), оумдрлѣ къхъ сѣ токою (л. 263а), аще кси полоучилѣ ддрзновениіе оу г^ѣа (л. 263б), на ждрткѣ бѣ|ги (л. 263в), боудете сѣ|кдршили запокѣди (л. 264б). Наблюдаются также случаи с прояснением глухого: оуткержающе отциноу екою роуе|скоую (л. 258б), омеркоша кнущесѣ (л. 260а), къзрѣ из дверца на нбо (л. 264а), къкѣ|ржена кѣ^ѣ къ море (л. 264б).

Помимо сочетаний редуцированных с плавными в рукописи нередко встречаются написания жд с южнославянской рефлексацией *dj при обычном русском написании ж:

а) у первого писца: да боудетъ разлоучающина междю кодою (л. 2а), междю кодою (л. 2а), междю днѣма (л. 33в);

б) у второго писца: сѣзижемъ себе стѣлпѣ (л. 75б, 107а), къзри шчима тконма и кижѣ къзлѣи (л. 145г, с отражением графико-орфографического эффекта ѣ = е), тоужди ли къ|мѣниховѣсѣ кмоу (л. 146в), оуткѣрѣ|жѣтѣ на крѣ|тено (л. 166б, 242г), зарѣ огнѣна и ѿ|гна исхожа|аше (л. 172а), тоуждѣю (л. 174а), оуткѣрѣжена на земли (л. 230г), днѣги бни сох|жаахоу и късх^ѣ|жаахоу по неи (л. 231а), и срдце ихъ покѣ|жеіно боудетъ къ нихъ и смѣ|тетсѣ дхъ и|хъ (л. 234г), кижю видѣниіе (л. 236а), прѣ|же стѣ|орѣнина вездѣ|ни и прѣ|же да|же не поточн источникъ вѣднѣихъ прѣ|же оуткѣ|рженина горд|скѣ^ѣго преже ксѣхъ хѣлмъ ражѣтѣ ма (л. 236г), роженѣи ѿ бѣ (л. 238б), ѿ г^ѣи надежда калша (л. 250в), дажда ми ткои хъ престолѣ (л. 251а), забѣ|тѣ мои междю токою (л. 253в, 254а), преже вѣкѣ оснока ма (л. 254в), прѣ|же ксѣхъ хѣлмъ ражѣтѣ ма (л. 254в), бра^ѣ не|накижю (л. 255б);

в) у третьего писца: и|с|хо|жа|хоу роу|кою кѣсокою (л. 197в), кѣ|ниде ме|жю полкома югю|патаскѣме (л. 199а), ме|жю мѣ|жема и брато|ма юго (л. 221г), пре|же исполнатѣса гоумна (л. 224а), прѣ|жѣ да|жѣ не придетѣ днѣ гнѣ (л. 225а);

г) у четвертого писца: се|го бо ради ра|жа|кѣтѣса моу|жѣ (л. 256а), бра|га сконго нена|ви|жю (л. 256г), оу|т|вер|жя|юще ѡтциноу скою (л. 258б).

В рукописи наблюдаются диалектные образования с жг < *zg, характерные для новгородско-псковских рукописей: не ва|ж|жги бо бѣ на зѣмлю (л. 41а), не ва|ж|жгити кѣ немѣ да|ж|да|ма (л. 50в), и о|д|ж|ж|гитѣ кама (л. 224а), да|нде же да|ж|га (л. 202в, 224а), да|ж|га велика и ма|л|ниа бланстаниѣ (л. 260а).

У первого писца иногда встречается замена свистящего на шипящий, свойственная псковским письменным памятникам XIV – XV вв.: ж|емла да|ста жи|га скою (л. 25в). По мнению лингвистов, Прм 1271 был списан с псковского оригинала, из которого и были перенесены некоторые особенности псковской графики и языка. При отсутствии источников по истории псковского языка, а также западнорусских текстов до XIV в. данные Захариинского паримейника представляют особую ценность [5, с. 237].

Таким образом, языковые особенности Прм 1271 указывают на то, что все четыре переписчика были, по-видимому, северо-западного происхождения. Всем переписчикам свойственны диалектные черты: смешение аффрикат ц и ч, ж и о, љ и ѣ (ѣ), написания с жг наряду с жд. Четвёртый писец, написавший последние девять листов рукописи, на которых расположены паремии о Борисе и Глебе, возможно, работал позднее, поскольку у него отсутствуют так называемые «болгарские» написания с редуцированным после плавного, практически нет нестяжѣнных написаний имѣн прилагательных и форм имперфекта, он использует только древнерусские формы с ж < *dj.

Примечательно, что в новгородском списке Паренесиса 70–80-х годов XIII в. (РГАДА, Тип. 38) также наблюдаются архаичные написания, совпадающие с правописанием источников конца XI в. В большом количестве здесь представлены нестяжѣнные формы прилагательных и имперфекта, нерусифицированное неполногласие типа прѣ|ди вместо стандартного древнерусского прѣди, жд < *dj [9, с. 59]. В Прм 1271, таким образом, представлены явления, которые разовьются в полной мере во время второго южнославянского влияния в XV в., и начальный его этап, отразившийся в архаизированной орфографии новгородских рукописей, можно отнести ещё к последней трети XIII в.

Summary

A.I. Kuzovenkova. Regional Versions of Literary Language and the Second South Slavic Influence (On the Orthography of Zakhariinskii Parimeinik of 1271).

The article reveals certain language peculiarities of one of the unexplored manuscripts, *Zakhariinskii Parimeinik* of 1271. On the one hand, the manuscript reflects the Pskov-Novgorod dialect features: the mixing of affricates ц and ч as well as sibilant and hushing sounds, a particular type of the reflexivity of ТьгТ groups, the use of жг along with жд, etc. On the other hand, there are many spellings of South Slavic origin in the manuscript. All this makes it possible to state the appearance of obsolete orthography in *Zakhariinskii Parimeinik* and

to specify information about the number and territorial belonging of the scribes, who worked on the text.

Keywords: church manuscripts, text of paroemias, historical grammar.

Источники

Прм 1271 – Паримейник (Захариинский) 1271 г. // РНБ (Российская национальная библиотека). Q, п. I, 13. 264 л.

Литература

1. *Пичхадзе А.А.* К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. – М.: Наука, 1991. – С. 147–173.
2. *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. – М.: Наука, 1969. – 295 с.
3. *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. – М.: Наука, 1979. – XIX, 494 с.
4. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI – XIII вв. – М.: Наука, 1984. – 405 с.
5. *Каринский Н.М.* Паремейник 1271 года как источник для истории Псковского письма и языка // Сб. ОРЯС. – 1928. – Т. 102, № 3. – С. 233–237.
6. *Колесов В.В.* Русская историческая фонология. – СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 400 с.
7. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 872 с.
8. *Жолобов О.Ф.* Пристанище невълонимое (к рефлексации групп типа ТЪРТ/ТЬЛТ) // Рус. яз. в науч. освещении. – 2009. – № 1 (17). – С. 127–133.
9. *Жолобов О.Ф.* Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Син. 38 // Russian Linguistics. – 2007. – № 31. – С. 31–59.

Поступила в редакцию
15.05.13

Кузовенкова Анна Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: akuzovenkova@mail.ru